

Глава 3. Согласие

Наступило лето.

Когда-то Цзянь Цинъюй больше всего ненавидел жаркое, палящее солнце летних дней. Но теперь, сидя в тени деревьев и лениво наслаждаясь прохладой, он уже так не думал.

Тени листвы мягко колыхались, а ветерок едва заметно касался его кожи.

Ветер раннего лета был как раз впору — не жаркий и не холодный, окутывающий приятной, расслабляющей свежестью.

Под деревом стояло кресло-качалка, сплетённое из лозы и вьюнов. Рядом был маленький столик, сколоченный на скорую руку: совсем новый, ещё с торчащими заусенцами. На нём — большая миска с двумя крохотными сколами по краю, внутри которой было приготовленное Цзянь Цинъюем подобие фруктового десерта из лесных ягод.

Дикая шелковица, лесной киви, малина и крупный дикий виноград — всё было вымыто, залито сладкой водой и предварительно охлаждено в студёной речной воде.

Летний ветерок, ложка прохладной сладости, мерное покачивание кресла — тихо, спокойно, безмятежно.

— Бах!

— Бум!

— ...

Кресло стало качаться всё медленнее. Цзянь Цинъюй расслабленно прикрыл глаза и даже не пошевелился.

— Ш-ш...

Стон боли постепенно стихал.

Человек в кресле оставался неподвижен.

— Жун-жун...

Кресло-качалка внезапно замерло. Обутые в соломенные сандалии длинные ноги опустились на землю.

С самого утра Линь Жун ушёл в лес собирать хворост.

Линь Гэнь думал: пусть одна нога у него искалечена, зато хотя бы один глаз ещё видит. Уж собрать немного дров ему по силам. Тогда Линь Жун сможет вернуться домой пораньше и меньше устанет.

Кто бы мог подумать, что, добравшись до места, где Линь Жун обычно собирал хворост, он так и не найдёт его. Линь Гэнь сразу запаниковал. Бросив собранные по дороге дрова, он, прихрамывая, стал искать своего гера в густом лесу. Но, увлечшись поисками, перестал следить за дорогой и сам не заметил, как забрёл неизвестно куда. В спешке он оступился и скатился по склону, после чего уже не смог подняться.

С одной стороны, Линь Гэнь переживал, куда подевался его гер, с другой — ненавидел собственную беспомощность. Он несколько раз пытался встать, но безуспешно. Искалеченная левая нога совсем не слушалась, а теперь он ещё и подвернул здоровую правую. Стоило лишь пошевелиться и боль становилась нестерпимой. По сморщенной коже, похожей на сухую древесную кору, пролегли две мокрые дорожки слёз.

Линь Гэнь вытер лицо и, стиснув зубы, пополз вперёд, надеясь либо найти дорогу домой, либо наткнуться на кого-нибудь из деревни.

И вдруг прямо перед глазами остановилась пара ног.

Линь Гэнь обрадованно вскинул голову. Лицо, перепачканное слезами и грязью, дрогнуло.

— Линь Жун — твой гер?

Пряди волос, прилипшие от пота к вискам, лезли в глаза. Линь Жун небрежно заправил их за ухо, снял со спины вязанку хвороста, выше его самого, и бросил её рядом с поленницей во дворе.

Семья Линь перебралась сюда десять лет назад, они были чужаками из другого рода. От деревни им досталась лишь соломенная хижина. Пусть и ветхая, но жить в ней всё же было можно.

Двор маленький, но аккуратный, без лишнего бурьяна. Справа, у стены кухоньки, ровными рядами была сложена высокая поленница — выше человеческого роста. Слева тянулся небольшой огород: зелёный лук, чесночные побеги, фасоль, баклажаны... Всё густо зеленело, набирая силу, но плодов пока ещё не было.

Обычно, вернувшись домой, Линь Жун первым делом искал отца. Линь Гэнь знал, как тот волнуется, поэтому всегда старался к его приходу сидеть во дворе.

Но сейчас, окинув двор взглядом и не увидев отца, Линь Жун почувствовал, как сердце ухнуло вниз. В голове мгновенно всплыл образ Цзянь Цяна... он решил, что тот снова обманом выманил человека, сказав, будто с ним что-то случилось.

Стоило ему представить, как его отцу, которому и ходить-то тяжело, угрожают и издеваются над ним, — струна здравого смысла в голове Линь Жуна лопнула в тот же миг.

Схватив нож, он выбежал со двора.

Не успев сделать и пары шагов, он с размаху врезался в чью-то крепкую грудь, от которой исходил жар. Линь Жун сейчас был не в состоянии обращать на это внимание. Тихо бросив извинение, он торопливо попытался обойти человека.

Но его остановили длинные, светлые, словно выточенные из белого нефрита руки.

Страх за единственного близкого человека почти захлестнул Линь Жуна. Все эмоции, которые он сдерживал, больше не помещались внутри и вырвались наружу. Глаза покраснели, и он резко выкрикнул:

— Уйди!

— Твой отец у меня.

Эти слова мгновенно привели его в чувство.

Линь Жун резко поднял голову. В тот миг, когда он разглядел лицо стоящего перед ним человека, его зрачки дрогнули.

— Где мой отец?.. — спросил он дрожащим голосом.

Это был первый раз, когда Цзянь Цинъюй так близко и ясно увидел его лицо.

Он опустил взгляд, развернулся и направился к своему дому.

— Иди за мной.

В глинобитном доме у подножия горы.

— ...Вот так всё и вышло... Это я виноват. Даже за хворостом сходить не получилось... умудрился доставить тебе неприятности.

Линь Гэнь сидел на стуле. Одна нога заметно распухла и покраснела. На его грубом лице застыло выражение вины и боли, пока он смотрел на сидящего рядом на корточках Линь Жуна — с покрасневшими глазами и побледневшим лицом.

Линь Жун покачал головой и тихо сказал:

— Пока с тобой всё хорошо, остальное неважно.

Сказав это, он повернулся к стоявшему у двери Цзянь Цинъюю. Тот, высокий и стройный, лениво опирался плечом о дверной косяк.

Поджав губы и опустив глаза на неровный глиняный пол, Линь Жун искренне произнёс:

— Прости. И спасибо, что спас моего отца.

Цзянь Цинъюй отозвался равнодушно:

— Мм.

Он мельком взглянул на ногу Линь Гэня. Теперь она уже не была такой опухшей, как сразу после падения.

— Отдохнёт несколько дней и всё пройдёт. Хотя, если хотите, можете ещё показать его врачу.

Линь Жун ещё не успел ничего сказать, как Линь Гэнь поспешно заговорил первым:

— Верю, верю. Спасибо тебе, парень. А как тебя зовут?

— Цзянь Цинъюй.

— Странно только... Кажется, я раньше не видел тебя в деревне, — неловко спросил Линь Гэнь, потирая руки.

Во взгляде Линь Жуна появилась настороженность.

Цзянь Цинъюй скользнул по нему взглядом, усмехнулся и, совершенно не принимая это близко к сердцу, лениво ответил:

— Я недавно здесь.

— А-а, вот оно что...

В окрестных деревнях такое было обычным делом: раз в год-два обязательно появлялись либо беженцы, спасавшиеся от голода, либо люди, решившие осесть здесь.

— Спасибо тебе ещё раз, парень. Сегодня мы доставили тебе проблем, — с благодарностью сказал Линь Гэнь.

Линь Жун помог отцу подняться.

Отец и сын, один прихрамывая сильнее другого, вышли из дома во двор.

И только теперь оба застыли на месте.

Когда они пришли сюда, Линь Жун был слишком поглощён мыслями об отце, а сам Линь Гэнь — болью, чтобы обращать внимание на окружающее. Лишь сейчас они увидели этот двор: развалившийся, с наполовину сгнившей оградой и травой выше человеческого роста.

Цзянь Цинъюй, будто ничего не замечая, спокойно провёл их наружу.

Перед глазами открылся простор, и он вдруг невозмутимо произнёс:

— Разве не прекрасно? Всё так буйно разрослось, полно жизни.

У Линь Гэня дёрнулся уголок рта.

— Эм... да...

Линь Жун краем глаза посмотрел на красные полосы на своей руке, оставленные высокой дикой травой, и промолчал.

Увидев это, Цзянь Цинъюй насмешливо фыркнул и больше ничего не сказал.

Стоит сказать правду от души и обязательно найдутся люди, которые поймут её по-своему.

Линь Гэнь посмотрел на высокого, крепкого и красивого мужчину перед собой, а затем на полуразрушенный глинобитный дом, и, как человек его возраста, невольно вздохнул:

— Всё-таки надо бы тебе жену или мужа в дом привести. Тогда и жизнь появится.

Цзянь Цинъюй сейчас думал только о том, что фруктовый десерт наверняка уже перестал быть холодным. Ему хотелось поскорее выпроводить гостей.

На губах появилась насмешливая улыбка. Он лениво покосился на них:

— И кого мне брать? Линь Жуна?

Безмятежный отдых был испорчен, настроение у Цзянь Цинъюя стало скверным, и язык сам собой сделался язвительным.

— Можно.

— ...

В одно мгновение с лица Цзянь Цинъюя исчезло всякое выражение. Он посмотрел на человека, который это сказал.

Тот улыбался, но голос его был удивительно холоден:

— Я нищий до последнего гроша. У меня нет даже медяка за душой. Тебе придётся меня кормить, поить и давать мне крышу над головой. И что? Всё равно согласен?

В голове у Линь Гэня уже всё превратилось в сплошную кашу. Он ещё не успел оправиться от потрясения, что его гер вдруг согласился, как услышал поистине ошеломляющее заявление Цзянь Цинъюя о том, что тот собирается стать примаком. Перед глазами у него потемнело.

— П-подождите...

Линь Жун же оставался спокойным и собранным.

Они стояли друг напротив друга. Несмотря на разницу в росте, Линь Жун не отвёл взгляда и прямо смотрел в глубокие, холодные глаза молодого мужчины.

— Можно, — коротко повторил он.

После всех неприятностей с Цзянь Цяном и после этого случая, Линь Жун думал не о себе. Он просто считал, что дому нужен ещё один человек.

Одного кормить или двоих — какая разница? Буду просто работать ещё больше.

Теперь уже не только Линь Гэнь, готовый вот-вот потерять сознание, но даже Цзянь Цинъюй на мгновение опешил.

Горный ветер взметнул растрёпанные волосы стоящего перед ним гера. В его персиковых глазах читались серьёзность, спокойствие и зрелая рассудительность.

Будто он говорил: «Разве это сложно?»

Цзянь Цинъюй вдруг рассмеялся.

Перед развалившимся двором стоял молодой мужчина в потёртой грубой одежде, с распущенными чёрными волосами и кожей блее снега. Вечно холодные, словно скованные инеем черты в этот миг смягчились, будто лёд растаял под весенними водами.

Линь Жун опустил голову и отвёл взгляд в сторону. Маленький кадык на тонкой шее едва заметно дрогнул.

— Можешь ещё подумать. Завтра я приду за ответом.

Сказав это, он увёл всё ещё ошеломлённого Линь Гэня.

Цзянь Цинъюй продолжал смотреть им вслед, а в его глазах всё ещё плясал интерес. Лениво прислонившись к покосившимся воротам, он словно о чём-то задумался и веселья в его взгляде стало ещё больше.

«Завтра»...

Как щедро ему дали время на раздумья.

Цзянь Цинъюй обернулся и посмотрел на тихий, безмолвный дом. В его глазах мелькнуло что-то странное.

Ещё один человек, значит...

На следующее утро Цзянь Цинъюй почему-то проснулся необычайно рано.

Сидя на пороге, он лениво любовался утренними горными пейзажами.

Лёгкий туман окутывал горы, словно тонкая вуаль. Птичьи трели звенели чисто и прозрачно, разносясь по пустынной долине. Из разбросанных у подножия домов доносились приглушённые людские голоса — не слишком близко, не слишком далеко, так что слов было не разобрать.

Цзянь Цинъюй зевнул, откусил кусок тёмной лепёшки, непонятно из чего сделанной, и уже собирался пойти прогуляться в горы.

Но, сделав несколько шагов, вдруг остановился.

Перед воротами, неподвижно стоя в утреннем тумане, его молча ждал человек.

Цзянь Цинъюй какое-то время без слов смотрел на него, а затем слегка приподнял бровь.

— Заходи.

Даже если замужний гер или девушка наедине встречались с мужчиной в расцвете лет, стоило людям об этом узнать и их уже начинали осуждать. А Линь Жун ещё даже не был женат. В глазах окружающих подобное считалось крайне непристойным поступком — бесстыдством и потерей доброго имени.

Линь Жун знал, что сюда обычно никто не заходит. А у Цзянь Цинъюя подобных мыслей попросту не возникало.

— Ты подумал?

Едва они вошли во двор и сделали несколько шагов, как Цзянь Цинъюй услышал этот вопрос — почти неотличимый от прямого предложения о браке.

Его взгляд скользнул по спокойному, сдержанному лицу Линь Жуна и остановился на покрасневших кончиках ушей... то ли от утреннего холода, то ли по иной причине.

Цзянь Цинъюй ничего не ответил.

Он просто молча смотрел на него, будто разглядывал какое-то редкое, диковинное существо, пока Линь Жун невольно не отвёл взгляд.

Впервые кто-то вызвал в нём столь сильное любопытство и интерес.

Спокойная, размеренная жизнь — это хорошо. Но иногда немного занятого разнообразия тоже совсем неплохо, разве нет?

Цзянь Цинъюй улыбнулся:

— Хорошо.

Дыхание Линь Жуна на миг сбилось.

Речь шла о деле всей жизни, а Цзянь Цинъюй выглядел так, будто говорил о сущем пустяке.

— Что? Уже передумал?

Не дав ему ответить, он снова изогнул губы в улыбке:

— Поздно. Теперь отказываться уже поздно.

Линь Жун покачал головой и серьёзно сказал:

— Я не передумаю.

Раз уж всё зашло так далеко, Цзянь Цинъюй, никогда не любивший мучить себя лишними мыслями, наконец задал вопрос, который давно его интересовал:

— Ты столкнул Цзянь Цяна в реку. А потом что было?

Услышав это, Линь Жун резко побледнел. Его пальцы непроизвольно сжались в кулак.

Он поднял глаза на стоящего перед ним мужчину:

— Откуда ты знаешь?

— А-а, — Цзянь Цинъюй прищурился с улыбкой, — потому что всё это время я стоял прямо у вас за спиной.

Сам не понимая почему, он пристально смотрел на лицо стоящего перед ним гера, желая увидеть его реакцию на эти слова.

Злость?

Упрёк?

Обида?

Ничего.

— Я столкнул Цзянь Цяна в реку и пригрозил ему молчать. Сказал, что если он проболтается, то я потащу его за собой на тот свет. А потом ушёл.

— Ты расскажешь это другим?

Линь Жун поднял голову и прямо посмотрел на красивого молодого мужчину перед собой.

Будто совсем не обращая внимания на то, что тот не помог ему и не протянул руку в тот момент.

Цзянь Цинъюй тихо усмехнулся:

— С чего бы?

Он лениво улыбнулся:

— Я всегда на стороне своих, а не правых.

<http://bllate.org/book/17612/1638531>